

из них вытекало из географического фактора. Северные монастыри всегда были связаны с морем, а некоторые из них располагались либо на морском побережье, либо на морских островах. Таким образом, сама морская, географическая среда являлась постоянной питательной основой для житийной литературы. Другое обстоятельство объясняется тем, что, преследуя цели воздаяния на верующих, заказчики житий — монастыри стремились наполнить их актуальным материалом, понятным и убедительным в поморской среде. Помор-крестьянин мог слабо разбираться в «чудесах», совершенных где-нибудь на юге, в Киеве или Иерусалиме, зато он хорошо знал родную для него стихию — «Студеное море», со всеми его превратностями и опасностями.

Прославление «чудесных» деяний святых отцов церкви преследовало сугубо земную цель. В XVI в., когда составлялось большинство житий, монастыри, укрепившись на Севере, развернули наступление на земельные владения крестьян-общинников, тесня их с морского побережья, захватывая их угодья, распространяя свою власть на часть крестьянских промыслов. Для достижения своих корыстных целей монастыри использовали все средства, в том числе и идеологическое оружие. Например, этой цели прямо служило включенное в редакцию 1548 г. Жития Зосимы и Савватия Соловецких «чудо об юноше Анфиме», уплатившем десятину монастырю и поэтому благополучно прибывшем с моря, и о злоключениях на море его товарищей, отказавшихся внести часть своего промысла в монастырскую казну.⁴

Самым ранним из числа северных житий является упомянутое Житие Зосимы и Савватия — патროнов основанного в 1435 г. на островах Белого моря монастыря, ставшего одним из могущественных феодальных владельцев Поморья. Первая редакция этого Жития появилась в 1478—1484 гг., а вторая, дошедшая до нас, была составлена старцем Досифеем в 1503 г.⁵ Записи «чудес» Зосимы и Савватия относятся как к этому, так и к более позднему времени, во всяком случае большинство записей произведено в XVI в.

Первое «посмертное чудо» соловецких старцев на море, включенное в первые редакции Жития, т. е. появившееся не позднее первой четверти XVI в., содержит рассказ некоего монаха Муромского монастыря Митрофана, плававшего по морю. Митрофан, говорит составитель рассказа, до своего монашества «имел у себя добытки морские многие».⁶ Однажды он предпринял далекое путешествие на больших морских судах-лодьях. Это путешествие продолжалось целый месяц. Мореходы зашли так далеко, что потеряли из виду берег, находясь «в пучине моря». Митрофан указывает, что он был «в край» моря, откуда не видно «превысоких гор». Если предположить, что в данном случае под «краем» моря имеется в виду северная часть Белого моря, то это не будет соответствовать истине. Как раз северные берега Белого моря отличаются своей гористостью, особенно гористы Терский берег и берега горла этого моря. По всей вероятности, Митрофан совершил плавание в Баренцовом море, а так как известно, что он ходил на зверобойный осенний промысел, то путь его лежал либо к берегам Новой Земли и Шпицбергена, либо к осенней кромке льда, действительно расположенной на «краю» моря. В том, что помор-промышленник ходил в столь отдаленное морское путешествие, нет ничего необычного. Не случайно на европейских картах XVI в. появились русские названия

⁴ Сол. собр., № 1384/16, лл. 119 об.—122.

⁵ В. О. Ключевский. Древнерусские жития. ., стр. 270.

⁶ Сол. собр., № 1384/16, л. 36.